

отмечали, что от других институтов жизнедеятельности белорусского этноса семья отличается большей устойчивостью своей структуры, традиций и этнических особенностей. К. Мошинский подчеркивал глубокие исторические корни семейной обрядности полешуков, а также ее новые черты, напластования новых поколений, которые обогатили и украсили полесские обычаи и обряды. В Белорусском Полесье К. Мошинский зафиксировал более прочное, чем у соседей, сохранение древних по происхождению этапов свадебного обряда (посад невесты, жениха и др.), которые ярко символизировали переход молодых людей из одного социального статуса в другой, в новую возрастную группу с новыми ролями и задачами.

По свидетельству Ч. Петкевича и К. Мошинского, особую роль в социальных отношениях на Белорусском Полесье играли такие формы общественного сознания как народная мораль и обычное право. При этом народная мораль была своеобразным неофициальным регулятором поведения людей во всех сферах жизни, одной из основных форм проявления социальной культуры народа. Под обычным правом польские этнологи понимали комплекс исторически выработанных и принятых обществом неписанных норм, правил поведения и взаимоотношений людей в разных областях социальной жизни людей, в частности в земельных, наследственных и семейных отношениях. Кроме того, польские этнологи фиксировали отношения взаимопомощи на Белорусском Полесье, справедливо отмечая, что в меньшей степени подвергались трансформациям обряды, связанные со строительством дома и новосельем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moszyński, K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego / K. Moszyński. – Warszawa : Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. – 328 s.
2. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 672 с.
3. Лобач, У. А. Кірмаш у традыцыйных уяўленнях і фальклоры беларусаў / У. А. Лобач // Беларускі гістарычны часопіс. – № 6. – Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, Бел. дзярж. ун-т, Бел. т-ва «Веды», 2008. – С. 33–36.
4. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / Гурко А. Вл. [и др.]; редколл. : А. Вл. Гурко, И. В. Чаквин, Г. И. Касперович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 466 с.

Пацценко С. А.

(Республика Беларусь, г. Минск)

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА МАГНАТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО. СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

В условиях усиления интегративных взаимодействий между разнообразными культурными конфигурациями и создания единого мирового культурного пространства наблюдается тенденция к сохранению специфических, оригинальных черт локальных социокультурных систем. Обращение к аутентичным слоям национальных культур, историко-культурная рефлексия со-

действуют более глубокому осознанию и сохранению национальной идентичности.

Современная социокультурная ситуация характеризуется устойчивым интересом общества Беларуси к историко-культурному наследию магнатских родов. Активизация интереса и обращение к духовной культуре элитарной части общества демонстрирует качественно новый уровень национального сознания белорусов. На данном историческом этапе происходит активное возвращение культуры аристократии Великого Княжества Литовского в современное социокультурное пространство Беларуси.

Духовная культура магнатов представляла собой структурированную систему знаний, норм, обычаев, образцов, представлений, традиций, ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, а также специфический способ мировосприятия, свойственный представителям аристократических кругов Великого Княжества Литовского. Духовная культура, процессы и способы создания, сохранения и передачи ее образцов играли значительную роль в жизни представителей магнатского сообщества. Духовная культура выступала специфическим средством познания, формировала целостную картину мира, являлась механизмом осуществления процессов преемственности, передачи материальных и трансляции духовных ценностей, социального опыта между поколениями магнатов. Увеличение объемов информации, которая по сути своей была элитарной и в течение столетий накапливалась в архивах и библиотеках частновладельческих резиденций, содействовало обогащению и сохранению духовной культуры магнатов. Трансмиссия образцов и элементов духовной культуры в культуру новых поколений аристократов способствовала их самоидентификации как членов элитарного сообщества.

Название «магнат» (от лат. *magnatus* – богатый, значительный человек) закрепилось за наиболее благородными представителями феодальной элиты Великого Княжества Литовского во второй половине XVI в. В группу магнатов входили паны радные и княжичи. Паны радные являлись потомками знатных и зажиточных бояр, княжичи – потомками удельных князей, которые владели многочисленными поместьями. Это были крупные духовные и светские землевладельцы, занимавшие высшие должности в государственном управленческом аппарате. Среди наиболее известных магнатских родов были Гаштольды, Глебовичи, Ильиничи, Кишки, Огинские, Пацы, Радзивиллы, Сапегы, Хрептовичи и др.

Основополагающим элементом мироустройства в восприятии магнатов выступали их представления о происхождении, а именно – личная значимость как члена рода. Принадлежность к знатному роду была обязательным условием вхождения в группу магнатов и определяла одно из фундаментальных вопросов человеческого бытия: какое место в мире занимает человек.

Иерархичность феодального общества актуализировала наличие доказательств высокого социального происхождения. Родословная, как самая значимая фамильная ценность, фиксировалась в документах, изображениях генеалогических деревьев, портретах предков и др. Авторитет и почет среди других представителей сословия соответствовал знатности рода.

В среде магнатов происхождение рассматривалось с двух позиций: древности и знатности. В первом случае

важна была давность (многолетие) существования рода, во втором – значительность и высота положения его членов. Взаимодополняемость характеристик «древность – знатность» О. Шпенглер сформулировал следующим образом: «Древний род означает не просто длинный ряд предков (деды есть у каждого из нас), но таких предков, которые в течение всей последовательности поколений существовали на вершинах истории...» [5, с. 354].

Представления магнатов о своем месте в структуре мироустройства формировались в процессе инкультурации. Присоединение к традициям рода начиналось на первых этапах становления личности, когда в сознании молодых аристократов закреплялось понимание могущественности рода, авторитета предков, чести, будущего назначения в службе Отечеству и т. д. Например, в своем дневнике Михал Казимир Радзивилл желал 11-летним сыновьям Каролу и Янушу «...чтобы здоровые прежде Богу, а потом Отчизне верные, учтиво и долго служили и долг свой значится народ Радзивилловский, так же, как предки наши, возвеличивали» [4, с. 175].

Характерные черты духовной культуры определялись особым типом самоидентичности магнатов как членов элитарной группы. Самоинтерпретация в контексте древности и знаменитости рода формировала соответствующую картину мира, основанную на базе фамильных ценностей и традиций. Осознание собственной свободы, идея выполнения общественного долга, следование постулатам морально-этического кодекса чести, почитание культа оружия, щедрость как аристократическая добродетель составляли основные ценностно-смысловые установки магнатов.

Восприятие магнатами времени имело линейный характер. Время рассматривалось как время истории рода. Как отметил А. Гуревич, «утверждение престижа семьи посредством апелляции к давности ее происхождения раскрывает отношение к времени господствующего класса: могущественный, знатный, влиятельный человек в средние века – это человек, за плечами которого стоят многие поколения, в котором как бы сгустилось родовое время – оно же и время истории» [2, с. 97].

Магнаты рассматривали современность как период между существованием предков и потомков. Корреляция «прошлое – настоящее – будущее» соответствовала триаде «отцы – мы – дети». Осознание себя элементом родовой истории, который одновременно связывает прошлое и будущее, выразительно прочитывается в магнатских тестах: «...пусть буду похоронен рядом с костями милых родителей моих, в склепе наследного поместья моего, в Ошмяне...а это [чтобы соблюл] мой собственный потомок, сын Владислав» и дальше «в поместье моем наследном, чтобы потомок мой... над телами отцов моих костел каменный обязательно поставил и склеп или часовню приличную для тел наших при нем же построил...» [3, с. 200].

Линейность восприятия времени вызывала острое чувство ответственности за свои поступки и действия не только перед современниками. Магнат, находясь в едином культурном поле рода, одинаково остерегался опозорить память отцов и обесславить будущее детей. Высокая степень осознанности своего морального долга выполняла регулятивную функцию в аристократическом обществе.

Каждый магнат стремился оставить после себя след в истории, что актуализировало поиски возможных вариантов реализации этой потребности: от написания дневников и мемуаров до возведения надгробий. Во всех случаях цель была одна: увековечить свою личность в памяти потомков. Мемориальность, как специфическая черта мировоззрения магнатов, позволяет объяснить большую значимость, придаваемую похоронной традиции в окружении магнатов. В похоронном ритуале в концентрированном виде воплотились ценностные ориентации представителей магнатского меньшинства.

Мемориальность предусматривала сохранение точного физического облика умершего, что реализовалось путем создания надгробного портрета (живописного либо скульптурного изображения покойника). Знакомость портрета доходила до документальности, чему способствовали такие неживописные элементы, как надписи, геральдические символы и другие атрибуты. Они содержали биографические сведения, сообщали о должностях, титулах, званиях, наградах портретируемого, о сделанных им фундациях и др.

Отдельное место в ритуале похорон занимало место «вечного покоя». Как правило, тела магнатов не хоронили в земле, а отвозили в храмовый или родовой склеп. В отличие от остальных членов общества знатные покойники не уходили в небытие, а продолжали свое существование как знак древности и могущества рода. Наличие фамильного некрополя давало аристократу ощущение силы: все члены одной семьи – и живые и умершие – находились вместе, в одном пространстве, и что особенно важно – в одно время. Возможность такого «контакта» не разрывала связи времен. До наших дней в Несвижском костеле Божьего Тела сохранилась крипта-мавзолей, где находятся саркофаги и захоронения представителей рода Радзивиллов.

История в среде магнатов была одной из самых больших ценностей, потому что в ней находили подтверждение своей значимости. Представления магнатов об истории включали воспоминания о знаменитых предках и знаменательных событиях. Стремление иметь богатую историю рода иногда приводило к сознательной фальсификации документов либо созданию мифических первопредков. Например, представители известного рода Сапег делали попытки возвысить свое происхождение. В XVII–XVIII вв. были составлены родословные, в которых утверждалось про княжеское происхождение рода от Гедимина. Позже выяснилось, что род происходит от Семена Сапиги (Сапегы) – великокняжеского писаря из полоцких бояр [1].

Поиски своего места в истории актуализировались в принятии магнатами идеологии сарматизма. Эту специфическую мировоззренческую концепцию магнатерия Великого Княжества Литовского восприняла от союзного по Речи Посполитой Королевства Польского. В основе сарматизма лежал сословный миф о происхождении людей высшего сословия от сарматов – воинственных племен Северного Причерноморья, которые в первые столетия нашего времени захватили территорию некоторых славянских стран (в том числе и Великого Княжества Литовского). Представители низших сословий рассматривались как потомки покоренного сарматами местного населения.

Сарматская легенда была охотно принята по той причине, что, во-первых, обосновывала давнее происхождение магнатов, во-вторых, подчеркивала благородство этого происхождения, в-третьих, указывала место магнатов Великого Княжества Литовского в истории европейской аристократии.

Мировоззрение магнатов характеризовалось стремлением не только управлять историей, но обладать ей, что проявилось в создании в частновладельческих резиденциях архивов и собраний древностей. В магнатских архивах хранились исторические документы: привилегии на должности и пожалование поместий; документы хозяйственного и административного управления; бумаги, которые содержали генеалогическую информацию, переписку высокопоставленных особ; инвентари, грамоты, финансовые документы, акты и т. д. Самый большой архив, который находился в частновладельческом замке, был в Несвиже.

Магнатам было свойственно стремление выделиться из общей шляхетской массы высшего сословия. Их объединяло знатное происхождение, высокое государственное положение, значительные финансовые возможности и т. д. В соответствии с внутрисословными интересами заключались браки, создавались политические союзы. С надлежащим уважением магнаты относились к членам своего сообщества. В эпистолярном произведении «Отзвук сладкозвучной мелодии живущего в бессмертной славе герба Лебедь, светлейшего Криштофа Станислава Завиши, Минского воеводы» автор, который стремился сохранить для потомков историю своего рода, писал: «Есть много еще и доселе Завишей как в Короне, так и на Подляшье и Жмуди, но другого Дома, другого Герба, родства с которыми я не знаю; однако признаю их высокородство и значительное, такое же как и нашего Дома происхождение и генеалогию; призываю, чтобы их Дом был им мил ради памяти (не ради напрасного восхваления)...» [6, с. 19].

Таким образом, культура магнатов, как элитарной части привилегированного сословия, представляла собой специфическое образование в культуре Великого Княжества Литовского. Характерными чертами духовной культуры магнатов являлись светскость (как оппозиция религиозному мировоззрению), публичность (придание событиям частной жизни характера публичных акций), демонстративность (культуротворческая деятельность с целью прославления себя и своего рода), мемориальность (восприятие истории как ценности, стремление сохранить память о себе), высокая степень моральной ответственности (осознание личной ответственности за выполнение общественного долга). Главное предназначение духовной культуры магнатов заключалось в создании, восприятии, интерпретации, сохранении и трансляции духовных образцов и ценностей разными поколениями крупных светских землевладельцев благородного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1 Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З. Э. Герасімовіч. – Мінск : БелЭн, 2006. – 792 с.

2 Гуревич, А. Я. Избранные труды: В 4-х т. / А. Я. Гуревич; редкол. Л. В. Скворцов [и др.]. – М. – СПб. : Унтверситетская книга, 1999. – Т.2: Средневековый мир. – 1999. – 560 с.

3 Дарагастайскі, К. М. Гіпіка, альбо Кніга пра коней / К. М. Дарагастайскі; уклад. С. А. Ішчанка, В. Л. Дубоўскі. – Мінск : Юніпак, 2007. – 209 с.

4 Дзярьюш князя Міхала Казіміра Радзівіла, ваяводы Віленскага Гетмана Вялікага ВКЛ // Спадчына. – 1995. – № 6. – С. 170–199.

5 Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; пер. и прим. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 538 с.

6 Odogios Siodko-brzmiŃcecy Melodyi w pieŃmiertelney Siawie cujŃcego Herbownego Iabkcia, JaŃnie WielmoŃnego J. P. Krzysztofa Stanisiawa Zawiszy, Wojewody Micskiego. – Warszawa, 1728. – 210 s.

Свешникова Е. Е.

(Российская Федерация, г. Москва)

Спирина М. Ю.

(Российская Федерация, г. Санкт-Петербург)

Ханенко М. Е.

(Российская Федерация, г. Орёл)

СОЦИАЛЬНО – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Мировой культурный текст сегодня претерпевает постоянные изменения. Его эволюция в глобализационном контексте характеризуется нарушением главного механизма существования культуры – преемственности, возвратом к дорациональному, мифологическому сознанию, так называемым «инициационным голодом», появлением компьютерного рационализма, ведущего к потере человеком способности духовного восприятия мира, снижению его интуитивных возможностей, гомогенизацией общества, антропологическим кризисом, т. д.

Вместе с тем, человечество сохраняет источник сохранения человека и человеческой культуры в широком смысле слова – традиционную культуру. Она, по мнению немногочисленных исследователей, содержит в себе народную экономическую культуру, народную экологическую культуру, народное правосознание, народную художественную культуру и др.

ЮНЕСКО в своих документах подчеркивает усиление роли вузов в понимании, интерпретации, сохранении, развитии и распространении национальных, региональных, международных и исторических культур в условиях плюрализма, укреплении этических и духовных ценностей, развитии личности студентов наряду с подготовкой к профессиональной жизни [4, с. 41–48]. Современная экономика становится более наукоёмкой, а выпускники высших учебных заведений воспринимаются как «думающая рабочая сила». Обществу, государству, экономике, науке, технике, искусству требуется сегодня всесторонне образованный, гармонически развитый специалист, умеющий грамотно выполнять определенные профессиональные функции, видящий перспективу, творчески относящийся к своей деятельности, жизни, обладающий высоким духовным потенциалом. Такая личность предстает как носитель этнической культуры, преобразующий мир на основе его познания, пе-